

**ВАДИМ
НИКОЛЬСКИЙ**

ЧЕРЕЗ
ТЫСЯЧУ ЛЕТ

Вадим Никольский
Через тысячу лет

«Public Domain»

1927

Никольский В. Д.

Через тысячу лет / В. Д. Никольский — «Public Domain», 1927

«Успехи техники и научные завоевания последних лет в корне изменили весь уклад жизни культурного человечества. Трудно подчас поверить, читая журналы и книги хотя бы середины, прошлого столетия, что ведь это наше «вчера» – настолько поражает размах и мощь материальной культуры нашего «сегодня». Что же можно подумать тогда о завоеваниях «завтра»?...»

© Никольский В. Д., 1927

© Public Domain, 1927

Содержание

От автора	5
Глава I	7
Глава II	15
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Через тысячу лет

Научно-фантастический

роман инж. В. Д. Никольского

От автора

Успехи техники и научные завоевания последних лет в корне изменили весь уклад жизни культурного человечества. Трудно подчас поверить, читая журналы и книги хотя бы середины, прошлого столетия, что ведь это наше «вчера» – настолько поражает размах и мощь материальной культуры нашего «сегодня». Что же можно подумать тогда о завоеваниях «завтра»?

Телефон, фонограф, кинематография, радио, авиация, подводное плавание, электрический свет, электрическая передача энергии, электрические железные дороги, поразительные успехи химии, искусственные краски, получение азотистых соединений из воздуха, пышный расцвет химической промышленности, невиданные по своей мощи машины, орудия для обработки металлов, изумительная механизация целого ряда производств, непомерный рост железной индустрии, гигантские суда, здания, уходящие в небо, туннели и каналы немыслимых раньше размеров, чудовищные средства взаимоистребления, – все это было достигнуто лишь в последние полвека, и, точно лавина, падающая с гор и все ускоряющая свое движение, этот успех технических знаний с каждым годом растет вширь и вглубь, суля нам в ближайшие полвека такие возможности, которые пока доступны лишь провидению романиста.

Но этого мало. Мир вступает в новую эру, где в корне изменяются прежние взаимоотношения классов. Правильнее будет сказать, мир идет к эпохе, где «классов» вовсе не будет и где все человечество составит единую трудовую семью... Какие подавляюще-огромные перспективы перед техникой и наукой откроет это грядущее, о наступлении которого мечтали, отдавая свои силы, жизнь и здоровье, лучшие люди всех времен и народов...

В великом труде и борьбе нам приходится расчищать почву старого мира и закладывать первые краеугольные камни величественного здания будущего социального строя. Рядом, бок о бок работают здесь инженер и рабочий, ученый и художник, мужчина и женщина... Задачи ближайших дней нам ясны и понятны... Быть может, ясен и общий план нового здания. Но не нам суждено дожидаться его завершения... Это увидят дети наших детей...

А жаль... Хотя бы на мгновение заглянуть туда, в этот волшебный мир будущего, где нет нужды, нет организованного насилия человека над человеком, где природа не злая мачеха, а покорная раба, где мыслям просторно, где царит разум, красота и гармония...

Какие новые силы природы придут на службу свободному человечеству, какие невиданные механизмы избавят, наконец его от многовекового подневольного труда, какие тайны откроет наука?

Платон, Кампанелла, Томас Мор, Уильям Моррис, Беллами, Уэльс и много других писателей пытались неоднократно приподнять хоть край этой туманной завесы будущего, понимая его каждый по-своему. Будет ли жизнь такова, как они о ней пишут?

На это трудно ответить.

Можно сказать лишь одно, что успехи техники и научные завоевания, наверное, оставят далеко за собою самую смелую фантазию современного писателя...

Автор этих очерков, объединенных под общим заглавием: «Через тысячу лет», далек от мысли дать здесь всеобъемлющую картину будущего строя. Он хочет лишь, придав этим очеркам беллетристическую форму, поделиться с читателем некоторыми своими техническими

мечтами о жизни наших далеких потомков, – мечтами, которые могут служить для многих единственной яркой путеводной звездой в сумерках нашего настоящего...

Глава I

Два слова о себе. – Мимолетная встреча. – Я, с лучшими намерениями, устраиваю трамвайное крушение на улицах Берлина. – Больница. – Я в доме у профессора. – Наши беседы. – Сумасшедший или осуществленная фантазия. – Времени нет. – Я знакоюсь с хрономобилем. – Корабль времен. – Опыт поездки в прошлое. – Я вижу своего двойника. – Как можно создать легенду о привидении. – По ледникам северной Европы. – Мы едем в будущее. – Полный ход вперед! – Мы причаливаем к ХХХ веку.

Когда живешь день ото дня, делая то, что умеешь, и то, что надо делать в каждый данный момент, когда знаешь, что одинаковые причины влекут за собой одинаковые последствия, – жизнь тогда кажется удивительно простой и несложной.

Жизнь... Где она?

Сперва работа, потом отдых, иногда развлечение. Книги, разговоры, слова... Что еще? Да, любовь, или то, что за нее принимаешь... Кажется все. Впрочем нет! Иногда тоска, сомнение в себе и во всем этом проклятом круговороте, называемом жизнью.

С 1916 года – я инженер. Работаю на заводе. По специальности – механик. Когда устаю – беру отпуск и зарываюсь в лабораторную работу, – значит, не чужд изобретательству. Кое-что удается. Мой механический зернопогрузчик работает в одном из наших портов... К фантазиям мало склонен – некогда, настоящей срочной работы довольно, хотя иногда помечтать не прочь...

Года два тому назад сбылась одна такая моя мечта – удалось побывать за границей. Завод наш начал делать турбинные регуляторы и откомандировал меня и еще кое-кого из нашей инженерской братии на германские машиностроительные заводы.

Командировка моя подходила к концу, и недели через две-три я уже должен был отправляться обратно домой. Но судьба судила иначе, и мне пришлось, благодаря чистой случайности, пережить такие моменты, которые нескоро изгладятся из моей памяти...

Однажды, как всегда, около четырех часов, я возвращался к себе с завода. На углу Фридрихштрассе я остановился перед витриной книжного магазина, заглядевшись на выставленные книги.

Легкое покашливание заставило меня обернуться.

Рядом со мной у окна стояла любопытная фигура. Это был высокий, худощавый старик в серой «разлетаке», каких теперь уже никто не носит, и в широкой фетровой шляпе, из-под которой выбивались седые пряди волос и поблескивали острые, умные глазки, закрытые круглыми роговыми очками. Я бегло успел заметить его профиль – крупный, слегка крючоватый нос, впалые щеки и редкая растрепанная бородка клинышком. Странно: какое мне было в сущности дело до этого незнакомца? А между тем, повинувшись какому-то необъяснимому предчувствию, моя мысль несколько раз возвращалась к высокому старику в крылатке...

Начинал моросить дождь. На одной из улиц шел ремонт трамвайной линии; асфальтовая мостовая между рельсами была разрыта, и вдоль пути, точно длинная коричневая змея, лежали заготовленные новые шпалы.

Только что я перешел линию рельс, как услышал слева от себя глухое гудение трамвая и чей-то легкий крик. Инстинктивно оборачиваюсь. Вижу: мой незнакомец с пакетом в руках пытается перебежать путь, спотыкается, падает, запутывается ногой в длинных полах своей одежды, а двухглазая трамвайная морда уже здесь, совсем близко... Вожатый наверно не видит: вечер, серое пальто на сером фоне бетона и, вдобавок, этот проклятый туман...

Дальше все пошло, как в хорошей американской киноленте.

В памяти сохранились лишь отдельные отрывки, точно моментальные снимки, склеенные плохим монтажером. Я ясно понял – старику конец, если он не успеет быстрым движением

выбросить себя за линию колес... Подбежать и вытянуть старика за руку я не успею, – он лежит саженях в пяти от меня. Тормоза также уже опоздали. Значит... Все это мелькнуло у меня в голове в ничтожную долю секунды. Помню – еще: мой взгляд упал на лежащую рядом шпалу. Курьезно! Я даже помню, что на ней один край был запачкан известкой и на торце была выбита литера М... Дальше я действовал, не рассуждая. Будто кто-то другой моими руками схватил тяжелую шпалу и бросил ее под колеса вагона... Резкий визг стали, шипение тормозов... Вагон грузно подпрыгивает, врезается передними колесами в асфальтовую мостовую, разбрасывая ее, как куски мягкой глины, и, наконец, останавливается... Метрах в двух мой старик все еще тщетно пытается встать... Дальше лента обрывается...

Смутно помню еще, что будто кто-то мягкой огромной ладонью ударил меня по голове, затем мостовая быстро, быстро побежала, мне навстречу, и во рту появилось ощущение уколов бесчисленных холодных булавок...

Потом темнота и молчание...

Я очнулся в больнице, куда меня свезли с изрядно разбитой головой. А вышло это вот как: когда трамвайный вагон наскочил на шпалу, она заставила вагон сойти с рельс. Это я еще видел, – но того, что шпала каким-то непонятным образом была подброшена вверх, перевернулась и разбила мне голову, этого я уже не помню. Вышло, что я в некотором роде, спасая старика, «пострадал за други своя».

Доктор Шмерц, симпатичнейший старик, сильно напоминавший моего школьного учителя латыни, стоял подле меня, с широкой улыбкой на лице:

– Nun, wie geht's, mein junger Held?¹

Однажды он пришел ко мне в сопровождении моего знакомого незнакомца – старого чудака в крылатке. Старик долго тряс мне руку и засыпал меня ворохом слов, от которого у меня голова разболелась. Понял я, что он хочет меня перевезти к себе, что здесь мне неудобно, что у него тоже отличный рентгеновский кабинет и т. д.

Когда он ушел, доктор Шмерц разразился восторженной филиппикой по адресу ушедшего.

– Как, неужели не знаете? Ведь это же наш известный ученый – профессор Фарбенмейстер... Его работы по лучистой энергии, как говорят, сделали переворот во взглядах на этот предмет. И вы до сих пор не знали, кого вы сохранили для культуры всего человечества? – торжественно закончил доктор Шмерц.

Я, вообще, заметил, что после войны немцы любят говорить о культуре и человечестве.

Что ж, подумал я, ехать так ехать! Посмотрим, что это за профессор Фарбенмейстер?

В подобающей обстановке меня вскоре доставили – ходить я еще не мог – в новое помещение. Мне была отведена целая комната, где почти неотлучно находилась сиделка; сам хозяин частенько навещался ко мне то один, то с врачами-специалистами, без конца исследовавшими меня и под конец смертельно мне надоевшими.

Старик был прав: рентгеновский кабинет у него, действительно, оказался прекрасным. Это была целая лаборатория с до того сложной аппаратурой, что я, кое-что читавший по этому вопросу, в недоумении лишь переводил глаза с одного прибора на другой, не постигая их назначения...

Так прошло недели две. Рана на голове заживала. Давали себя чувствовать лишь небольшие боли, но и те мало-помалу ослабевали.

С профессором Фарбенмейстером, который не уставал благодарить меня за свое спасение, мы очень скоро сблизились. Нашлись общие темы, и профессор оказался преинтересным и занимательным собеседником. О своих работах он говорил мало, но зато страшно интересовался советским строительством, удивлялся нашему росту, хотя при случае довольно зло

¹ – Ну, как дела, мой юный герой?

высмеивал нашу техническую отсталость. Как-то раз, в разговоре с ним, я заметил, что отдал бы половину жизни, чтобы хоть одним глазком взглянуть в далекое будущее, предстоящее человечеству. С моим собеседником вдруг произошла удивительная перемена: серые, маленькие глазки сверкнули, как две искры, острый нос сделался еще тоньше, и ироническая улыбка придала его лицу выражение улыбающегося старого фавна.

– Кто знает, кто знает, может быть и увидим это самое будущее...

– Значит, дорогой профессор, вы нашли эликсир долголетия средневековых алхимиков? – пошутил я.

Улыбка сбежала с лица профессора.

– Эликсир? Пфа! Вздор какой! Думаю – кое-что получше! Ну, поправляйтесь, и тогда мы еще поговорим...

На этом профессор круто оборвал и, сухо простившись со мной, быстро вышел своей вздрагивающей походкой из комнаты.

Наконец наступил день, когда я почувствовал себя совершенно здоровым. Я в свою очередь горячо благодарил своего хозяина за его заботливый уход и уже собирался откланяться, как заметил, что профессор глядит на меня поверх своих круглых очков странно-внимательным взглядом.

– Пойдите, – с некоторым усилием заговорил он наконец, – я хочу вам... Прежде всего скажите: чувствуете ли вы себя достаточно сильным? Что вы ловки и находчивы, я убедился, на деле...

В ответ на этот вопрос я молча поднял свой довольно-таки тяжеловесный чемодан и «выжал» его одной рукой над своей головой.

– Отлично. Нервы у вас тоже в порядке. Это я и сам знаю. У меня есть ваша кардиограмма и кривая рефлексов... Быть может, вы сумеете оказать мне еще одну услугу, а я вам...

И, загадочно усмехаясь, он повел меня под руку в свой кабинет, где я уже один раз побывал для рентгеновского просвечивания.

– Ну, садитесь, коллега, и внимательно слушайте, – обратился ко мне профессор. – Мне кажется, что вы тот самый человек, который мне нужен. Хотите совершить со мной одно путешествие?

И снова та, прежняя, виденная мною мудрая улыбка старого фавна.

– Неужели вы забыли о своем желании заглянуть в отдаленное будущее? – продолжал он, видя мое недоумение: – именно такое путешествие я и хочу вам предложить!

Я невольно оглянулся на дверь. Путешествие во времени? Что за чепуха! Это хорошо у Уэльса, но в действительности разве это возможно? Бедняга... Впрочем, сумасшедшим, кажется, не противоречат...

И я заставил себя сделать внимательно-любезное выражение лица.

Профессор откинулся на кресле и начал хохотать так, что слезы выступили у него на глазах.

– Браво, мой молодой друг, браво! Да вы артист! Какое самообладание с сумасшедшим! Так? Я угадал? Ведь таким я кажусь вам сейчас?

Старик положительно обладал искусством «чтения в сердцах»... Я мог только растерянно пожать плечами.

– Ну, шутки в сторону, не будем тратить самое дорогое, что у нас есть, т. е. время. Слушайте же внимательно.

– Что такое время? Что такое пространство? Этими вопросами задавались с незапамятных времен лучшие умы всего мира. Ваш гениальный Лобачевский и наш великий Эйнштейн прорубили брешь в старых понятиях о времени и пространстве... Эпоха дуализма, которая так резко разграничивала еще совсем недавно понятие о материи и энергии, вытесняется монистическим взглядом на эти феномены. Мы уже знаем, что материя – это центр энергии, и что

материя, считавшаяся раньше неразрушимой, может быть рассеяна и превращена в огромное количество внутриатомной энергии. По-видимому, то же ждет и пространство, и время. Обе эти категории нашего восприятия внешнего мира тоже будут слиты в одно целое и составят также разновидность особого рода энергии. Наше сознание с трудом еще воспринимает эту идею об общности времени и пространства, но когда-нибудь настанет пора (о, очень не скоро!), когда мы будем мыслить совсем по-иному... Вы знаете, конечно, что у пространства есть три измерения: ширина, высота и глубина. В этих трех измерениях мы и воспринимаем нашу вселенную. О четвертом, непознаваемом нами, измерении, я думаю, вы тоже слышали. Это отнюдь не математическая фикция: это не что иное, как время, в котором движется наше трехмерное пространство.

– Приведу вам пример. Допустим, наш мир имеет лишь два измерения, и вселенная представляет собою бесконечную плоскость. В этом мире обитают плоские существа. Третье, перпендикулярное к нашей плоскости измерение им тогда непонятно. Предположим, что вся наша плоская воображаемая вселенная движется в перпендикулярном к ней направлении, которое будет тогда играть для нее роль времени. Каждый момент эта плоскость будет занимать в своем движении новое положение. Наши воображаемые плоские существа не могут выйти из своей ограниченной двумерной вселенной, и понятие «перпендикуляра» не уместится в их сознании одновременно с понятием о своих двух измерениях; поэтому они могут мыслить о нем лишь во времени.

– Вот, то же самое происходит и с нами: мы не можем осознать наш четвертый перпендикуляр и называем его временем.

– Теперь возьмем другой пример. Вы стоите на якоре в лодке, в бескрайно-широком движущемся водном потоке. Берегов не видно, но вы ощущаете удары струй воды о дно вашей лодки и, бросив в воду кусок дерева, видите, как его уносит назад. Теперь вообразите, что течение прекратилось. Вода неподвижна, но вы, снявшись с якоря, с прежней скоростью течения воды сами двигаетесь вперед. Те же струи воды плещутся у бортов, – брошенный кусок дерева так же уходит из поля вашего зрения... Что же изменилось тогда? Да ничего, так как движение относительно.

– Если же мир и мы – лодка, а время – океан, по поверхности которого мы движемся, то, быть может, удастся стать с нашей лодкой на якорь и заставить струи двигаться нам навстречу. Если бы удалось выделить из бесконечной глади океана времени небольшую струю и заставить ее мчаться с желаемой скоростью нам навстречу, то мы могли бы по произволу передвигаться во времени так же, как мы сейчас передвигаемся в нашем пространстве... Весь вопрос в том, как усилить течение времени или, что то же, как выделить часть пространства и заставить его с желаемой быстротой передвигаться по «линии времени», «вперед» – в будущее или «назад» – в прошлое...

– Работая над природой космических лучей, я натолкнулся случайно на ряд явлений, которые сперва поразили меня своей неожиданностью, но затем дали мне в руки путеводную нить для решения некоторых вопросов движения во времени.

– Ну, одним словом, в результате многочисленных экспериментов мне удалось посредством ультра-частых электрических колебаний особого рода выделить некоторую часть пространства и заставить ее двигаться с желаемой скоростью в «направлении времени».

– Пойдемте, я покажу вам мой «хрономобиль». Вы поймете гораздо лучше, когда увидите все в действительности.

И с этими словами профессор повел меня в соседнее помещение своей лаборатории. В отличие, от первой комнаты, где мы только что были, здесь имелось очень немного приборов; середину ее занимала шарообразная камера, высотой около 3–4 метров, с двумя небольшими круглыми иллюминаторами, закрытыми толстыми стеклами, и входным, тоже наглухо закрытым лазом. Это было все, что я мог рассмотреть.

– Вот – с гордостью проговорил профессор: вот мой корабль времени или хрономобиль, как я его назвал. Все предварительные опыты мною давно закончены. Аппарат работает отлично. Последнее решительное испытание я произвел в тот день, когда я чуть было не попал под трамвай, но спасся, благодаря вам, мой дорогой. И он с чувством пожал мой локоть...

– Вы понимаете теперь, – продолжал он, – что я имел право быть тогда немного рассеянным. Сегодня я хочу произвести первое серьезное испытание, так сказать, на дальность полета, – но я не знаю, в какие условия я попаду, перенесясь через несколько сот лет... Я уже стар, зрение мое, благодаря последним работам, изрядно пострадало. – Мне будет трудно в этих условиях жизни, которую я хочу увидеть не менее вашего... Одним словом, мне нужна надежная и верная поддержка такого человека, как вы...

– Итак, согласны быть моим спутником? Конечно, если вы того захотите, – поспешил добавить профессор: – если у вас есть здесь, в нашем времени, какие-нибудь крепкие связи, – мы вернемся сюда – к тому же самому дню и даже к той самой минуте, когда мы отсюда уехали...

Я молчал. Молчал, потому что не находил слов, чтобы выразить свои чувства. Я только нашел в себе силы кивнуть головой и пожалть руку «старого чудака», который казался мне каким-то полубогом.

– Видите, – продолжал профессор свои объяснения. – В этой камере помещается путешественник с запасом кислорода и пищи: ведь неизвестно, в каких физических условиях будет произведена высадка. Внутри судна помещены машины, вырабатывающие и превращающие электрическую энергию в особого рода эфирные колебания, а также все приборы для управления, контроля и наблюдения. Я должен предупредить вас, что опасность не исключена. Вы мне спасли жизнь, и я не могу еще раз заставить вас рискнуть своей. Подумайте перед тем, как согласиться.

Я вообще не любитель долго думать, да и о чем здесь можно было думать, когда судьба давала мне возможность осуществить самую заветную мечту моей жизни?

– Едем! – решительно шагнул я по направлению к диковинному аппарату.

– Ого, вот она славянская непосредственность! – улыбнулся профессор и начал заботливо закрывать двери лаборатории.

– Это я понимаю! Хочу верить, что вы не раскаетесь в своем решении.

И он молча принялся что-то делать у самого аппарата.

– Обратите внимание, – через несколько минут заговорил он снова, – обратите внимание, коллега, на вещество, покрывающее собою наружную поверхность сферы. Это соединение геокорония, которое мне удалось с огромным трудом выделить из некоторых солей редких металлов. В нем-то я и произвожу новые электрические колебания, которые изолируют весь снаряд от окружающего пространства и времени, служа при этом несокрушимой броней, для которой не страшны ни время, ни вещество... Эта броня нужна для того, чтобы, «приставая» к берегам будущего, мы не могли бы натолкнуться на материальное препятствие вроде постройки, которая когда-нибудь возникнет на этом месте.

С этими словами профессор Фарбенмейстер нажал какую-то кнопку, дверца люка откинулась и мы вошли внутрь хрономобиля.

Внутренняя камера не представляла собою ничего особенного. Внизу, под полом были скрыты моторы и электрические генераторы; к ним, очевидно, вели тросы и кабели, соединявшиеся около мраморной распределительной доски, прикрепленной к стенке каюты. Среди многочисленных приборов управления я заметил что-то вроде электрического счетчика с тремя рядами красных меняющихся цифр. Электрическая лампочка в потолке и два кожаных кресла дополняли строгое внутреннее убранство капитанской рубки корабля времени.

Я вздрогнул от резкого стука захлопнувшейся двери. В голове мелькнула трусливая мысль: а вдруг это только ловкая мистификация или еще что-нибудь похуже? Ведь бывали же

случаи, когда фанатичные экспериментаторы, вроде моего хозяина, нуждались в живых человеческих объектах для своих ужасных опытов! Что если и я?.. Но один взгляд, брошенный мною украдкой на старика, успокоил меня: нет, такие глаза не лгут, и я действительно стою на пороге самого необыкновенного приключения...

Поворотом выключателя профессор погасил свет внутри. Через стекла иллюминаторов стала ясно видна остановка покинутой нами комнаты. Еще поворот рукоятки. Под полом что-то загудело, и от нашего снаряда заструилось бледное, молочно-белое сияние, отражавшееся от стен лаборатории.

– Здесь, – проговорил профессор: – да подойдите сюда поближе, не бойтесь, – на этом приборе отмечается скорость нашего передвижения во времени. Когда стрелка стоит на единице, это значит – мой хрономобиль не движется. Когда стрелка пойдет влево и станет показывать число между нулем и единицей, это значит что мы отстали от времени, и все процессы, происходящие вне нашей камеры, будут казаться нам замедленными. Когда стрелка дойдет до нуля, время снаружи как бы остановится. Аналогия с лодкой, плывущей по течению потока: вода в нем покажется неподвижной. Этим румпелем я могу направить бег своего корабля назад. Стрелка пойдет еще более влево, отметив скорость хода во времени. На соседних красных циферблатах начнут тогда появляться цифры минут, часов, дней, месяцев и годов того количества времени, на которое мы углубились в прошлое. Одним словом, это нечто вроде счетчика таксомотора, только он отсчитывает не километры, а дни и недели... Вы понимаете, надеюсь, значение, цифр вправо от единицы? Это цифры скорости хода при нашем движении вперед. Счетчик начнет тогда показывать количество времени, которое мы пробежали в будущем. Смотрите теперь в окно... Я замедляю наш ход...

В лаборатории как будто ничего не изменилось. Только освещение сделалось слабее и приняло какой-то красноватый оттенок. В углу лаборатории стояли высокие старинные часы: я заметил, что маятник их почти не двигался. От сотрясения или по какой-нибудь другой причине, с одного из столов лаборатории упала стеклянная трубка. Я говорю – упала, но, правильнее сказать, трубка медленно отделилась от края стола, плавно опустилась на землю и не разбилась, а как-то разделилась на несколько отдельных осколков. Я понимал, почему это так: время текло для нас медленнее. Но почему все наружные предметы казались вишнево-красными? Этого я не мог постигнуть и обратился к профессору за объяснениями.

– Да ведь это так просто, – удивился он моему непониманию: вы знаете, что свет – это род чрезвычайно быстрых эфирных колебаний, или, по другим воззрениям, потоки летящих «квант», воспринимаемых нервными ганглиями нашего глаза... У фиолетового света число колебаний равно около 750 миллиардов в секунду, у красного – около 400 миллиардов. Замедляя наш бег во времени в два раза, мы замедляем и число световых ударов в нашу сетчатую оболочку глаза. Отсюда нам кажется, что все тона переместились к красному концу спектра...

Я обернулся, чтобы взглянуть на циферблат. Стрелка стояла на нуле. Время снаружи остановилось, но оттуда до меня не долетал ни один луч света – за окном царил полная тьма.

– Вы, я вижу, снова удивлены? – обратился ко мне профессор. – Эта темнота неизбежна. Сейчас снаружи до нас не может дойти ни одно световое колебание, т. к. там всякого рода движение по отношению к нам остановилось во времени... Ну а теперь углубимся в прошедшее...

Еще поворот рычага. За окнами по-прежнему царил крошечная тьма.

– Если бы мы могли что-нибудь там рассмотреть, то увидели бы все явления в обратном порядке, точно в ленте кинематографа, пущенной наоборот, – заметил профессор.

На счетчике времени показалось 15 минут. Профессор быстро повернул какой-то рычаг, и снова в лаборатории сделалось светло, как прежде.

Но что это? В лабораторию входило двое людей! Мне показалось, что я брежу. Эти двое были профессор и я сам!

У меня начиналось отвратительное ощущение кошмара. Я почему-то вспомнил глупую старинную примету: увидеть самого себя во сне означает близкую смерть... Я оглянулся на профессора – ему было также не по себе. Однако, он заставил себя улыбнуться и даже предложил мне выйти поговорить со своим вторым я.

Не владея собою, я мог только схватить профессора за руку и впился глазами в стекло иллюминатора... Наши двойники двигались и что-то беззвучно шептали, в точности повторяя все наши движения четверть часа назад... Это было ужасно...

Профессор снова повернул какую-то рукоять. За стеклом опять заструилась густая черная тьма. Гудение мотора под полом сделалось сильнее. Стоп – опять остановка... Стрелка указывателя стояла на цифре 150.

– Вот, мы в эпохе Фридриха Великого, – взволнованно заметил профессор.

Ну, конечно, – подумал я, – разве может истый немец, каким был профессор Фарбенмейстер, не вспомнить о старом Фрице!

За окном перед нами расстились какие-то пашни, дальше виден был сосновый лес и извилины Шпрее. Кое-где были рассыпаны невзрачные каменные строения, по которым нельзя было сказать, что это Берлин... Совсем рядом пролегла плохо мощеная дорога, по которой шагал какой-то человек в чулках и в черном камзоле, вытирая широкую лысину красным фуляром. Человек этот, точно сошедший с картины Менцеля, был, по-видимому, настолько погружен в свои мысли, что заметил наш снаряд только в самый последний момент, на повороте дороги, когда его отделял от нас всего с десяток шагов. Я никогда не забуду того удивления, которое отразилось на его широком, добродушном лице. Это было даже не удивление, а что-то большее – видно было, что бедняга совсем потерялся. Платок и треуголка, которые он держал в своей левой руке, полетели на землю, лицо из румяного сделалось пепельно-серым, ноги его стали подкашиваться... Еще мгновение – и наш незнакомец из 18 века бросился наутек через поле, не разбирая дороги и по щиколотку увязая в грязи!

– Вот мы и создали легенду о привидении, – засмеялся профессор. – Но едем дальше. Сюда мы еще вернемся когда-нибудь!

Машина заработала, и мы снова полетели вниз по лестнице времени. Сто, пятьсот, тысяча, тысяча пятьсот лет... Движение руки профессора, и мы снова «на якоре». Перед нами – густая непроглядная лесная дубовая чаща. Видно, что человеческая нога не ступала еще в этой глуши. На темном фоне могучих стволов промелькнула грациозная тень оленя с закинутой назад головой...

Дальше!!!

Снова гудение мотора, мрак за окном, – остановка. На счетчике лет стоит цифра 50 000. Я прикипаю к окну, но там по-прежнему мрак. Может быть ночь? Медленно мы продвигаемся еще на полсутки вперед. Но снаружи все та же непроглядная тьма. Профессор озабоченно поворачивает какой-то выключатель, и под окном зажигается яркий луч прожектора, освещающий нам плотную массу голубоватого прозрачного льда.

– Ну, конечно, так и должно быть, – произносит после небольшого раздумья профессор: – мы сейчас в ледниковой эпохе, на дне гигантского слоя льда, покрывавшего тогда большую часть современной Европы.

– Ну, что же, – обратился он ко мне, – не довольно ли на этот раз?

– А будущее, дорогой профессор? А будущее, куда вы звали меня с собою?

В голосе старого ученого послышалась нотка неуверенности.

– Да... да... Будущее... Должен вам сказать, мой милый, что эта часть путешествия меня немного пугает. Было бы долго объяснять вам, но скажу, что условия передвижения моего хрономобиля значительно опаснее, когда ему приходится углубиться в грядущее. Я еще и сам не пробовал уходить далеко вперед от нашего времени. Впрочем, рискнем. Садитесь рядом и следите за этим прибором. Мы не должны превосходить известную скорость. Иначе электри-

ческое напряжение нашей сферы может сделаться настолько огромным, что наш корабль и все, что находится там внутри, превратится в космическую пыль.

Я машинально повинился.

Виденное и слышанное приводило меня в такое состояние, что я утерял способность оценки окружающего. Все происходившее не успевало укладываться в моем сознании.

Мы двинулись обратно. Снова гудение моторов и мелькание цифр указателей: 30 000, 10 000, 1000, 0,1. Мы опять в своем времени. На короткое время мы останавливаемся. Профессор озабоченно проверяет правильность действия всех механизмов и взволнованно садится к рычагам управления.

– Теперь внимание: как только указатель этого прибора дойдет до черты, – предупредите меня. – Это значит, мы на пределе безопасной скорости движения.

Мы сели у аппаратов. Я не чувствовал никакого страха. Ну, что ж, даже если и разлетимся в пыль?.. Эта перспектива меня волновала гораздо меньше, чем ожидание того, что я должен был увидеть за этой туманной пеленой грядущих веков.

Машины опять заработали. Хрономобиль стал набирать скорость. Освещение снаружи начало перехода в зеленые, синие и фиолетовые тона, но теперь я понимал, в чем разгадка этих изменений окраски. Когда мы обогнали время в два раза, наш глаз уже не мог воспринимать никаких световых колебаний, и за окнами корабля снова сгустился непроницаемый мрак. Указатель хода хрономобиля показал год, потом два, десять, пятьдесят, сто...

В мозгу остро промелькнула мысль: а ведь меня уже, наверно, нет там в живых!.. Я задумался на минуту и не заметил, что стрелка моего указателя приблизилась к роковой черте. К гудению мотора снаружи начал примешиваться какой-то посторонний звук, напоминавший собою визг циркульной пилы. За окном черный мрак стал прорезываться мгновенными синими вспышками. Я молча указал профессору на стрелку. Тот только кивнул головой и, насунив брови, стал осторожно вращать небольшое колесо справа.

Хрономобиль между тем неся через бездны времени. Триста... пятьсот... восемьсот... тысяча лет... 2925 г...

Моя стрелка стояла на предельной черте.

– Пора. Остановимся здесь, – глухим от сдержанного волнения голосом произнес мой спутник.

Резкий свист, глухой толчок, и в окно иллюминаторов ворвался ослепительный солнечный луч. Ярко синее небо было все тем же, но окружающий нас пейзаж был так необычен, что сердце у меня сперва замерло, а потом бешено заколотилось в груди.

Так вот он какой, этот тридцатый век!!!

Глава II

Наша высадка. – Небо, луг и стена. – Звуки с неба. – Мы видим жительницу XXX века. – Где мы? – Наше первое знакомство с хозяевами дома за стеной. – Немецкий язык в тридцатом веке! – Люди или ожившие античные изваяния? – Оказывается – нас ожидали... – Рея. – Волны молодости. – Кое-что о борьбе бактерий. – Благодетельные лучи. – Трехсотлетние старики. – Как обедают в тридцатом столетии? – Искусственная пища. – Эволюция питания. – Профессор Фарбенмейстер курит сигару. – Нам желают покойной ночи.

Мы растерянно смотрели друг на друга...

– Что ж, – первым нарушил молчание профессор: – попробуем выйти? Э?

С этими словами он стал отвинчивать входной люк нашего хрономобиля. С бьющимся сердцем я следил за движениями его сухощавых длинных пальцев. Винты туго поддавались слабым рукам профессора, и я вынужден был придти ему на подмогу. Дело пошло живее, и через две-три минуты, показавшиеся мне бесконечно длинными, круглая, тяжелая дверца медленно поддалась нашим усилиям.

Ничего особенного при этом не случилось, так как атмосферное давление за тысячу лет не могло существенно измениться, состав воздуха – тоже.

Первым вылез профессор. В люке мелькнула его взлохмаченная голова, а затем снаружи послышались его изумленные восклицания.

Нечего и говорить, что я не замедлил последовать его примеру и вылетел из люка, точно пробка из бутылки шампанского.

Первое, что я увидел в XXX веке, была трава, в которую мои ноги ушли почти по колено. Оглянувшись, я заметил, что наш корабль времени стоит посередине обширного луга. Трава на нем была такая же самая, какая была и в мое время, когда я, бывало, мальчишкой на летних каникулах приезжал в деревню.

Луг был огорожен со всех четырех сторон довольно высокой каменной стеной, за которой виднелись группы деревьев, наполовину скрывавших собою смелые очертания каких-то белых, огромных строений.

Солнце довольно низко стояло над горизонтом, и золотистые облачка отчетливо вырисовывались на синем куполе неба. После душевной каюты я полной грудью вдыхал в себя воздух, и это не был воздух Берлина XX века: мне казалось, что я дышу свежестью сосновой роши, растущей на берегу океана, так чисто и ароматно было веяние легкого ветерка, лениво шевелившего верхушки деревьев. Общий аккорд синего неба, золота облаков и душистой ласки ветра дополнялись неясными музыкальными звуками, которые несколько заглушались расстоянием и напоминали собою крик стаи летящих журавлей...

Неужели это грядущее?

И синее небо, и солнце, и теплый ароматный ветер, и эта отдаленная загадочная мелодия были так гармонично слиты между собою, что казались неразрывно связанными частями огромной картины, созданной каким-то гениальным художником-режиссером. Конечно, думал я, это ведь сон... Я машинально поднял руку ко лбу и больно ударился ею о выступ открытого люка... Больно, – значит, не сплю... Значит...

Я и мой спутник молча стояли и ждали чего-то...

Звуки делались громче, слышались слева, справа, лились сверху, – звенели в траве... Я различал яркую, огненную тему, напомнившую мне рог Зигфрида, которого я еще так недавно слышал в Берлинской опере. Внезапно музыкальная мелодия оборвалась, и в наступившей тишине к нам донесся человеческий голос.

Это было чье-то полуиспуганное восклицание, заставившее нас обернуться назад. Только теперь мы увидели в стене, окружавшей луг, небольшую дверь, к которой вело несколько

каменных полуразрушенных ступеней. Дверь была открыта, и на ее темном овале, в лучах заходящего солнца, отчетливо вырисовывалась стройная женская фигура. Ее обнаженные руки были в испуге вытянуты вперед. . . Сквозь мягкие складки полупрозрачного золотистого плаща, наброшенного на одно плечо, вырисовывались безупречные красивые формы ее молодого тела. Это видение ХХХ века было так неизъяснимо прекрасно, что я на мгновение зажмурил глаза. . . Когда я открыл их – видение исчезло, и перед нами лишь темнело пятно незакрытых дверей.

Прождав несколько минут, мы переглянулись с профессором и нерешительно двинулись по направлению к загадочной двери, бывшей, как мы это заметили, единственным выходом с луга, где очутился наш аппарат.

Я решительно поднялся по каменным ступеням. Профессор следовал сзади, ежеминутно озираясь и вздрагивая при малейшем шорохе. За дверьми (я заметил, что они были сделаны из какого-то темного сплошного материала, похожего на мореный дуб) шел коридор, шагов двадцать в длину, ярко освещенный косыми лучами солнца. В конце коридора, выложенного разноцветными плитками, виднелась другая дверь со вделанным в нее кольцом из массивного золота художественной работы. Я потянул кольцо на себя – дверь бесшумно раскрылась, и мы очутились в обширной восьмиугольной зале, уставленной множеством растений под стеклянными колпаками различной величины и формы, начиная от стакана до размеров большого колокола, высотой в два-три человеческих роста. Колпаки эти соединялись между собою паутиной стеклянных и металлических трубок, шедших к расставленным там и сям непонятным приборам. Все вместе напоминало собою кабинет химика, устроенный в оранжерее, или оранжерее, непонятным образом попавшую в лабораторию. . . Внутри этой залы было светло, как в самый яркий солнечный полдень, хотя сам источник света оставался невидимым. Все это я заметил не сразу. Внимание мое привлекло к себе нечто другое. В глубине залы, у обширного стола, заваленного рукописями и какими-то продолговатыми ящиками, в широком мягком, кресле сидел старик, с головой, покрытой редкими седыми кудрями. Черты его бритого темно-оливкового лица напоминали собою изваяние какого-то римского императора, виденное мною в одном из берлинских музеев, а нервно сжатая мускулистая рука говорила, что ее владелец еще может, в случае чего, постоять за себя. . .

Около старика, обняв его за плечи, стояла та самая молодая девушка, которую мы только что видели. Девушка что-то взволновано говорила старику на неведомом нам красивом наречии, с легким, гортанным оттенком. По-видимому, она спешила поведать своему собеседнику о нашем неожиданном появлении.

– Эйрен-антротей. . . – расслышал я слова незнакомки, отступившей в момент нашего прихода за кресло, в котором сидел старик. Я не мог оторвать от нее своего зачарованного взгляда. Там, на крыльце, в косых лучах заходящего солнца, она показалась мне какой-то феей из сказки, – но здесь, вблизи, при ярком свете, лившемся с потолка, фея исчезла и на ее месте очутилась стройная молодая девушка в полном расцвете своей красоты и молодости. Ее гибкое мускулистое тело плотно, как чешуя, облегла коричнево-бронзовая кираса с матово-металлическим блеском. Руки до плеч и ноги ниже колен были обнажены. На ногах я заметил что-то вроде сандалий с крестообразной перевязью до колена, где начиналась кираса. Шея и часть груди были открыты, позволяя любоваться их ровным загаром. На голове была круглая шапочка-шлем из того же самого материала, что и кираса. Через правое плечо была переброшена легкая дымчато-прозрачная материя какого-то странного цвета, падавшая вниз широкими, легкими складками. Из-под шапочки выбивались завитки золотистых волос, оттенявших прекрасное лицо незнакомки. Особенно хороши и выразительны были ее серо-голубые глаза, в которых еще боролись радость со страхом. Широко открытые, глядели они на нас с молчаливым вопросом. . .

Тем временем старик, не по годам легко, приподнялся со своего кресла и сделал несколько шагов нам навстречу.

– Так, значит, эта легенда – действительность! – услышали мы его звучное приветствие... на немецком языке.

Да, да это был немецкий язык, правда, с каким-то странным гортанным акцентом, но все-таки немецкий...

Признаюсь, я был немного разочарован. Неужели же мечта о всемирном наречии осталась мечтой и в ХХХ веке, сохранившем разноязычие прежних времен?

– Привет тебе, славный Фабенмейстэ, и тебе, молодой незнакомец, – привет вам, странники столетий...

Я совершенно опешил. Профессор Фарбенмейстер был удивлен не меньше моего. Как? Промчаться через глубь веков и услышать свое имя в приветствии, точно вы вернулись из недолгого путешествия? Это может хоть кого угодно поставить в тупик...

Старик как будто понял наше замешательство и продолжал.

– Вы удивлены, откуда я знаю имя великого Фабенмейстэ (именно так он произносил фамилию моего спутника). Ну, об этом вы узнаете немного спустя. – Он сделал один шаг и взволнованно воскликнул: – Так вот каковы эти люди двадцатого века, отделенные восемнадцатью декадами от начала нашей эпохи!..

– Гляди, Рея, гляди: предчувствие тебя не обмануло. Эйрен-антротей!

И старик оживленно начал говорить что-то на своем языке молодой девушке.

Весть о нашем прибытии, наверное, вышла уже из пределов белого зала. Во время речи старика из глубины комнаты появилось еще несколько фигур, одетых почти так же, как и молодая девушка. То были двое юношей и девушка в серебристо-серых кирасах и фиолетовых широких плащах. У всех на голове были такие же круглые, плотно охватывавшие череп, шлемы.

Обменявшись несколькими быстрыми словами со стариком и девушкой, вновь пришедшие нерешительно приблизились к нам, приветствуя нас поднятием левой руки.

Затем на короткое время наступило молчание. Обе стороны – век двадцатый и век тридцатый, пристально рассматривали друг друга, пытаясь составить себе понятие о представителях столь чуждых эпох...

Люди тридцатого века...

Представьте себе гармонично слитые вместе, силу и красоту, ум и изящество, и вы получите бледную формулу внешности нового человечества. Это была совершенно новая раса. В мое время встречались отдельные личности, в которых какая-нибудь из этих основных черт получала выдающееся развитие. Были красивые и даже прекрасные женщины. Красивых мужчин было несравненно меньше. Атлетические фигуры, вдобавок с гармоничным развитием, являлись редчайшим исключением, вроде ананаса, возвращенного в приполярных теплицах. Изящество было им чуждо, оно дружило лишь с красотой. Ум? От прекрасной женщины или от красивого мужчины ума почти никогда и не ждали. Ум и интеллект чаще служили как бы компенсацией со стороны природы безобразно сложенным и неизящным человеческим индивидам. Никто не искал в цирковом гимнасте блестящего лектора, а многие были бы даже разочарованы, обнаружив, что известный своими учеными трудами профессор обладает наружностью и мускулистостью портового грузчика...

Я люблю красоту человеческого тела, не связанного одеждой и неловкостью. Это те же машины, которые я люблю за их ритм и за отражение в них человеческого гения. В Мюнхенской Пинакотеке я простаивал часами, думая, как прекрасно было бы увидеть ожившими эти творения Скопаса и Праксителя. И вот, эта мечта исполнилась – перед мною были воскресшие герои Гомера. Старик со своей мощной фигурой Лаокона, чета Аяксов в блестящей броне своих доспехов и две юных богини Олимпа...

Каждый изгиб, каждая линия их тела дышали силой, здоровьем и грацией. Уверенные жесты мужчин и мягкие, но вместе с тем решительные движения девушек создавали впечатле-

ние строгого ритма и силы. Та, что пришла позднее, встала рядом с дочерью старика (я думал, что это была его дочь, и оказался впоследствии правым); – обняв друг друга, они, казалось, застыли в безмолвном изумлении. Юноши приблизились к нам и, по-видимому, приветствовали нас на своем звучном языке, в котором мое ухо улавливало английские и латинские корни. Оба они были одного почти со мною роста и возраста – один, немного повыше; русоволосый и тонкий, общим складом лица напомнил мне Иоанна Предтечу из известной картины Леонардо-да-Винчи. Та же загадочная улыбка, те же мягкие черты отрока-девы... Другой, темный, и плотно сложенный, слегка нахмурив брови, сразу же впился в нас глазами и даже решился дотронуться до моей головы. Это прикосновение точно разрушило чары молчания: отдернув руку, он отрывисто засмеялся и обернулся к старику, продолжавшему задумчиво смотреть на профессора.

– Дорогие пришельцы, начал через мгновение старик: вы удивлены, что мы знаем имя ученого Фабенмейстэ... Так знайте же, прежде чем войти в наш мир нового человечества, – знайте же, что ваш приезд давно ожидался... Я вижу, что это вас поражает. Слушайте же. Твое исчезновение, мой ученый собрат, около тысячи лет тому назад, в свое время наделало много шума. Из дошедших до нас скудных отрывков, напечатанных на непрочных кусках особого вещества, которым люди вашего века пользовались для закрепления своих мыслей, мы узнали о твоём великом открытии. Это случилось около сорока двух декад, или четыреста двадцать лет тому назад. Как раз здесь, на этом месте, погребенном под наносами Северного моря со времени великой катастрофы атомного взрыва, происшедшей, по вашему исчислению, в 1945 году, шли работы по постройке нового города. Под толстым слоем песка и ила были обнаружены остатки небольших каменных строений. В одном из них когда-то помещалась твоя лаборатория, в которой, наверное, ничего не меняли со времени твоего исчезновения. Счастливый случай открыл под ее развалинами прочный металлический ящик, где были найдены клочки твоей рукописи о хрономобиле. Сперва им не придали большого значения, но, после работ великого Токизава, оборвавшихся с его смертью, триста сорок лет тому назад, – ученый мир понял, что только ты стоял на верном пути... К сожалению, окончательная разгадка передвижения во времени осталась по-прежнему темной – условия, при которых производились эти работы, были настолько опасны, что вызвали уже две катастрофы – одну в 1945 году, известную под именем атомного взрыва в Париже, уничтожившего $\frac{2}{3}$ тогдашней Европы, и, несколько сот лет спустя, гибель гениального Токизава, сумевшего наконец овладеть энергией атома, но павшего при этом его искупительной жертвой. Из рукописи стало ясно, что твой прозорливый ум разрешил эту задачу, а твое исчезновение говорило, что ты в своем корабле времени странствуешь где-то в глубинах веков... С тех пор многие не теряли надежды, что когда-нибудь ты пристанешь и к нашей эпохе – хотя бы из простого любопытства – увидеть грядущее человечество... Место, где была твоя лаборатория, огородили высокой стеной, – вы видели его, это тот самый луг, где стоит ваш корабль. Новые задачи и новые времена затемнили память о твоём великом открытии. Многие даже начали говорить, что его и не было вовсе... Как будто есть невозможное для человеческого ума! Мой отец, ученик Токизава, унаследовал от него, вместе с твоими рукописями, также и надежду на твое возвращение, и эту надежду он сумел передать и мне, а я своей дочери Рее... Мы поселились здесь, вблизи этого луга, и здесь я работал последние восемь декад. Взгляни на Рею, как она счастлива! Странная вещь! Она еще недавно мне говорила, что твое возвращение близко, она даже видела тебя в сновидениях, – тебя и твоего юного спутника... Скажи же, как твое имя? – обратился ко мне старик, ласково положив мне руку на плечо.

– Андрей Осоргин, – машинально ответил я.

– Антреас... – задумчиво повторила Рея. – Антреас...

И звуки этого смягченного имени отдались в моем сердце, как тихая музыка вечера. Рея подошла ко мне и, улыбаясь, взяла мою руку. В этот миг я почувствовал всем своим существом,

что прекрасная жительница ХХХ века мне ближе и дороже всех его успехов и достижений... Это чувство поразило и испугало меня самого. Свет в зале стал меркнуть, стеклянные колпаки над кустами надвинулись на меня, точно гигантские мыльные пузыри, профессор вытянулся до самого потолка, а старик, казалось, заполнил собою все пространство, в котором сверкали лучистые глаза Реи... Я чувствовал, что пол уходит у меня из-под ног. Я потерял сознание.

Боюсь, что представителям тридцатого века я показался довольно жалкой фигурой. Прежде всего – этот костюм горожанина 1925 года... Обуженные книзу брюки, кургузый пиджак, тесные лакированные ботинки – мне было стыдно. А профессор? Праведный боже! Длиннополый, закапанный кислотами старый сюртук, спадающие штаны и весь облик растрепанной птицы – какой резкий контраст составляли мы с этими гордыми, величаво прекрасными детьми нового человечества!..

Я очнулся уже в другой комнате, тоже без окон, на мягком податливом ложе, о котором наши лучшие перины могут дать лишь самое грубое представление. Чьи-то заботливые руки раздели меня, и над собой я увидел незнакомое лицо пожилого мужчины в том же традиционном, по-видимому, костюме жителей новой эпохи. Он умело, уверенным движением снял с моей головы какой-то аппарат, напомилавший собою водолазный шлем и о чем-то тихо шептался с одним из юношей, которых я уже видел в лаборатории старого Лаокоона. Профессор Фарбенмейстер стоял неподалеку, погруженный в рассматривание замысловатого прибора, который ему демонстрировал наш новый хозяин. Девушек не было.

Доктор повернул какую-то рукоять на стене, и я почувствовал что-то вроде покалывания, как при купании в нарзанной ванне. Затем мое тело пронизала невыразимо мягкая вибрирующая теплота, в несколько минут стершая мою слабость, как резинка стирает след карандаша на бумаге.

– Го-роа-ди... – с улыбкой произнес мой целитель, прекращая действие аппарата.

Старик и профессор тем временем подошли к моему ложу.

– Надеюсь, мой юный друг, – ты чувствуешь себя лучше? Неизбежное волнение и твоя болезнь, о которой мне уже рассказал мой ученый собрат, скоро изгладятся совершенно...

Я отвечал, что уже сейчас чувствую себя великолепно...

– Ну, теперь твоя очередь, дорогой собрат по науке, – обратился старик к моему бывшему спутнику. – Я советую так же и тебе принять эту ванну...

Профессор Фарбенмейстер решил, по-видимому, ничему не удивляться и покорно позволил себя раздеть и уложить на только что оставленное мною ложе. Если во всем великолепии своей европейской одежды ХХ века он не мог считаться образцом мужественности и красоты, то голый и с закрытыми глазами – профессор напоминал временного обитателя морга своими сухими узловатыми конечностями и частоколом ребер над впавшей чахоточной грудью... Бедные жители ХХ века!

Наш новый хозяин-старик и его помощник, которого я принял за доктора, приступили к сложным манипуляциям над телом моего спутника. На ложе, состоявшем, как я разглядел, из какой-то надутой материи, они надвинули легкий футляр из прозрачной стеклообразной массы. Голову они закрыли тяжелой металлической маской с подобием респиратора, употребившегося в мое время на горноспасательных работах... Прозрачный футляр наполнился через минуту светящимся голубоватым туманом, в котором стали тонуть очертания тела профессора. При этом слышалось легкое жужжание, и в аппарате замелькал дождь электрических искр. Через четверть часа операция кончилась. Футляр был еще не отодвинут от ложа, как профессор Фарбенмейстер взвился с него, точно подкинутый силой пружины. Я не верил своим глазам... Неужели это та самая ссохшаяся, подагрическая мумия, которая только что лежала, беспомощно вытянув свои костлявые ноги? Я видел перед собою совершенно другого человека – это был профессор Фарбенмейстер, но лет на тридцать моложе. Он был, конечно, так же худ, как и раньше – но кожа больше не висела на нем дряблыми складками, морщины на лице почти

разгладились, все тело, как и у меня, покрылось ровным легким загаром, руки перестали дрожать и все движения сделались четкими и энергичными...

– Donnerwetter, noch einmal!² – Бодро рывкнул профессор, с этими словами вскочил и начал выделять давно забытые им гимнастические приемы. – Осоргин! Смотрите! Ведь мы, действительно, попали в страну чудес – я помолодел ровно наполовину! Вот это называется омоложением! Что вы сделали со мной, дорогой коллега, объясните! – обратился он к старику, стоявшему у изголовья и с улыбкой наблюдавшего наше преобразование.

Тот молча указал нам на приготовленные кем-то одежды, как бы приглашая нас раньше одеться, а потом уже пускаться в дискуссии. Одежда состояла из темно-синей кирасы, сандалий, плаща и легкого шлема, пришедшихся мне точно по мерке. Я попробовал материал, из которого состояла наша одежда, и не мог разобрать, что это такое. На ощупь она была похожа на металлическую ткань, но в то же время была тепла и эластична. Такими же были сандалии и шлем, соединявшиеся несколькими металлическими цепочками с материей кирасы. Плащ был почти неощутим, но в то же время чувствовалось, что он может защищать и от жара, и от холода. С одеянием профессора дело обстояло значительно хуже: на его несуразную худую длинную фигуру не нашлось, по-видимому, готовой кирасы, и он был вынужден ограничиться двумя мягкими светлыми тогами, из которых выглядывала его птицеподобная остроносая голова. В целом, достойный ученый живо напомнил мне «козу», виденную мною в детстве на масленичных балаганах...

² Черт возьми! А ну, еще разок!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.